

«НО ШЁПОТ ГРОМЧЕ ГОЛОДА...»

Детские впечатления о новом спектакле Белгородского государственного театра кукол «Говорит Ленинград»

Эти куклы мне давно запали в душу. Худые, измождённые, одетые в странные наряды, на головах – тёплые платки. Не забыть их огромные, выразительные, полные страдания глаза! Тогда куклы стояли как музейные экспонаты в холле Белгородского театра кукол. Сейчас они на сцене. Это главные герои спектакля «Говорит Ленинград». Куклы и люди-актёры.

Я, безусловно, знала о том, что пришлось пережить людям из блокадного Ленинграда: вопрос стойкости духа, сохранения человеческого облика в страшных условиях голода, холода, бомбёжек, разрухи волновал меня давно. Блокада началась 8 сентября 1941 года. А дальше – 872 страшных дня! 125 граммов хлеба – средняя суточная норма, которую выдавали по карточкам в самые суровые дни, остальных продуктов было намного меньше. 125 граммов хлеба – это 240 калорий, то есть в десять раз меньше, чем нужно человеку для выживания. Жители выстояли. Город был спасён.

И вот я в зрительном зале Белгородского государственного театра кукол, но словно очутилась в прошлом, в том полуразрушенном городе, где ужас подстерегал людей на каждом шагу. Впечатления от увиденного на сцене усиливали кадры хроники из блокадного Ленинграда, голос Левитана, звучание симфонии Шостаковича, стуки метронома, который когда-то был символом живого города. Быстрый отсчёт ритма означал скорое начало бомбардировок, медленный говорил об окончании тревоги. Этот стук называли биением сердца блокадного города.

Во время спектакля метроном звучал тогда, когда стихало многоголосье... О чём говорят жители? Прислушиваюсь: «Продаётся рояль... меняю пластинки Вертинского на хлеб... мои деточки... как похоронить... холодно... хочу есть». Хлебная будка, измождённые герои, нескончаемая вереница трагических судеб, о которых можно угадать по обрывкам фраз. Голоса героев сменяют друг друга, но важнее всего тот голос, что «громче голода».

Это радио. Раньше я никогда не задумывалась о том, какую поистине великую роль сыграло оно в условиях блокады. Радио работало в круглосуточном режиме: это единственный источник информации в осаждённом городе. Диктором и настоящей музой блокады была Ольга Берггольц (именно по мотивам её произведений и воспоминаний о том тяжёлом времени и был поставлен спектакль). Незабываем образ поэтессы-блокадницы, которую талантливо сыграла актриса кукольного театра Виктория Швецова: своей интонацией,

эмоциональностью, умением передать чувства диктора, чей голос обращался к жителям Ленинграда.

В каждой фразе главных героев – Шуры, чтеца на радио (Максим Гольянов) и худрука Ленинградского радио Бабушкина (Павел Роднин) – столько страдания, тревоги, но ещё и доброты, света, надежды, любви к родному городу, стране, людям, что живут с тобой на одной земле и разделяют общую великую боль. И чувствуется, что так оно и было тогда там, в блокадном Ленинграде: в радиорубку приходили жители, рассказывали в эфире свои леденящие душу истории, короткие сводки сменялись чтением стихов, фрагментами из дневников, выступлениями писателей и обращениями обычных людей к таким же людям всей страны: «Мы живы!»

Слёзы на глазах у зрителей в зале. Не могу сдержать слёз и я, когда вдруг со сцены зазвучал голос самого Дмитрия Шостаковича, а затем и его Седьмая симфония. Да, такие радиоэферы необходимы были людям как глоток свежего воздуха. Писатели продолжают творить, музыканты создают гениальные произведения, художники пишут холсты. А это значит, что в осаждённом городе продолжается жизнь человеческого духа!

Потрясла сцена чтения воспоминаний из дневника одного из героев: «Я совсем не записывал своих переживаний. Я тщательно отмечал различные исчезновения... На 108 день с Аничкова моста исчезли кони... Для меня нет ничего страшнее, чем памятники, сошедшие с места...» И дальше словно из небытия голос героя произносит: «Я ждал тот день, когда всё будет возвращаться в жизнь! Надеялся? Верил!» Герой назвал бы его «днём великих возвращений». К оставшимся в живых ленинградцам, а кажется, к нам, сегодняшним, адресована просьба героя, который ушёл на фронт и не вернулся: «Вспоминай, пожалуйста! Вспоминай, чтобы так же остро ощущать мир. Обещаешь?» «Обещаем!» – звучат громко голоса за сценой.

Песню в конце спектакля «Говорит Ленинград» со словами: «Мой город сохранил лицо. Вот так!» – зал слушал стоя. Долго, очень долго не отпускали зрители актёров со сцены. Уходили все задумчивые, серьёзные.

...А дома я открываю воспоминания Ольги Берггольц о судьбе блокадного Ленинграда, о спорах её коллег на радио о том, нужно ли было людям в то время, к примеру, слушать стихи, думать об искусстве, когда вокруг лишь страшные картины блокадной жизни. Хочется повторять и повторять слова: «Но, оставшись людьми, мы не разлюбили, а ещё больше полюбили жизнь. Мы полюбили её до высшего предела этой любви...»

«Остаться бы человеком, достойным города. Вы понимаете? Ведь там – жизнь... Я не могу яснее выразиться. И голод, и смерть, но такая жизнь!» – вспоминая слова со сцены и читая эти же строки у Берггольц, не могу сдержать эмоций и соглашаюсь с автором, свидетелем и участником тех событий: да, нужно достойно жить в любой, даже самой безвыходной ситуации! Читать стихи, слушать великую музыку, помогать другим людям, кто нуждается в тебе. Это необходимо, чтобы сохранить человеческое в человеке.